

6 марта 2014

Текст: Илья Овчинников

Владимир Тарнопольский: «Швейцарская музыка почти не заражена бациллой идеологии»

Если вы находитесь в поисках неизвестных шедевров, вам сюда, то есть на программу «Студии новой музыки» в рамках проекта AlpenFest

«Студия новой музыки» © Orlova

6 марта в Рахманиновском зале консерватории стартует российско-швейцарский проект **AlpenFest** (начало концерта-открытия — в 18:00). Программой из сочинений Хайнца Холлигера и Клауса Хубера ансамбль «Студия новой музыки» открывает цикл, посвященный двухсотлетию установления дипломатических отношений между Швейцарией и Россией. В рамках проекта AlpenFest пройдут творческие встречи и мастер-классы, состоятся премьеры мультимедийных видеопостановок композиторов Оскара Бьянки и Надира Вассены. Цикл проводится при поддержке швейцарского культурного фонда «Про Гельвеция».

Художественный руководитель «Студии новой музыки» композитор Владимир Тарнопольский рассказал Илье Овчинникову о программе проекта.

— За словами «французская музыка», «немецкая музыка» сразу возникает тот или иной образ, комплекс ассоциаций. Про швейцарскую музыку такого сказать нельзя; что это, собственно, такое?

— Хороший вопрос! Это в первую очередь отражение самой Швейцарии — старейшей демократии Европы, удивительным образом объединяющей три языковые и ментальные группы, где даже простые вопросы типа строительства памятника или расширения музея решаются референдумом. Для меня главная черта швейцарской музыки — то, что она почти не заражена бациллой идеологии, в отличие от русской и немецкой (к итальянской и французской это в меньшей степени относится). Вспоминаю Карамзина, восхищавшегося Швейцарией в «Письмах русского путешественника», и Михаила Шишкина, размышляющего об этом в книге «Русская Швейцария»: «Карамзин задает новый для российской тоталитарной системы вектор движения — к приоритету ценностей частной жизни». Страна, где люди работают — в том числе над музыкой — не ради сверхидеи, а исходя из идеи повседневного труда, ремесла в лучшем смысле слова. Я бы такой честной работы пожелал многим композиторам, которые прикрываются идеологией — то «новой простоты», то «кейджизма», к Кейджу отношения не имеющего. Ничего такого внешне идеологического в швейцарской музыке нет.

— Верно ли, что собственно швейцарской академической музыки до XX века не существовало?

— Если не считать Артюра Онеггера, которого мы больше ассоциируем с французской музыкой, до середины столетия в Швейцарии крупных композиторов практически не было. И какой же расцвет произошел во второй половине века! Взять хотя бы двух крупнейших композиторов — Хайнца Холлигера и Клауса Хубера: каждый создал свою школу и повлиял на развитие нескольких поколений композиторов. Швейцарию принято считать консервативной страной — это и правда, и нет. Если взять ситуацию начала XX века, именно на фоне достаточно консервативного жизненного уклада в Швейцарии появился радикальный дадаизм, пришедший из цюрихского «Кабаре Вольтер». В Швейцарии написана «Весна священная» — самое новаторское сочинение XX века. Да и Ленин свои наиболее радикальные идеи сформулировал именно в тихой Швейцарии... мнение о швейцарском консерватизме одностороннее. А в сегодняшней Швейцарии как нигде активно развивается такой жанр, как музыка ленд-арт, когда создаваемое композитором сочинение неразрывно связано с конкретным ландшафтом и может быть исполнено только в этой местности.

— Каковы формы бытования новой музыки в нынешней Швейцарии?

— Жизнь современной музыки там блестяще организована: множество интересных фестивалей, замечательных ансамблей, назову лишь Collegium Novum Zürich, Phoenix Ensemble, Cortex, Camerata Zürich, Ensemble für Neue Musik Zürich, Ensemble Contrechamps, Mondrian Ensemble Basel, Nouvel Ensemble Contemporain. Среди фестивалей — «Дни новой музыки» в Цюрихе, существующие около 30 лет, аналогичные форумы в других

городах, пусть даже и небольших. А на самом крупном фестивале, в Люцерне, современной музыке всегда отведена большая часть программы. В отличие от других стран, в Швейцарии ориентируются скорее на поддержку многих, но преимущественно камерных проектов. Не один грандиозный фестиваль государственного масштаба, как у нас принято, а большое количество скромных по затратам, но очень эффективных форумов. Швейцария — очень интересная микстура различных национальных парадигм, подходов к пониманию музыки, разных точек зрения.

Страна, где люди работают — в том числе над музыкой — не ради сверхидеи, а исходя из идеи повседневного труда, ремесла в лучшем смысле слова.

— Как именно влияет на композиторов это совмещение культур?

— Приведу пример. Замечательный швейцарский композитор Жерар Цинсстаг родился в Женеве, его родной язык — французский. Большую часть жизни прожил в немецкоязычном Цюрихе (помимо итальянского и английского немножко владеет русским). Был одним из первых учеников Лакенмана, под влиянием которого созданы его ранние сочинения. По мере эволюции все более чувствовал свою французскую душу: его близким другом был родоначальник французского спектрализма Жерар Гризе, который посвятил Цинсстагу одну из частей произведения «Vortex Temporum». Недавно мы с Жераром в Цюрихе пытались выяснить, как правильно перевести на другие языки специфически немецкое понятие *Auseinandersetzung* (восприятие). Выяснилось, что ни на один язык это слово точно нельзя перевести: у немецкого слова несколько иные коннотации, оно предполагает восприятие не пассивное, но активно-аналитическое, творческое. То есть сам фокус зрения, само понимание произведения искусства для немца, француза или русского — три различающихся аспекта. Что уж говорить о самих результатах творчества! Возможно, как раз поэтому в своих зрелых сочинениях Цинсстаг — уникальный композитор, впитавший традиции различных музыкальных культур, что способствовало раскрытию его самобытности. То же можно сказать и о Клаусе Хубере, и о Хайнце Холлигере, и о композиторах среднего поколения — проживающем в Австрии Беате Фуррере, или о швейцарском берлинце Ханспетере Кибурце, или о преподававшем в Вене франкоязычном Микаэле Жарреле. Эти интернациональные взаимосвязи и взаимовлияния типичны для Швейцарии — ее культура впитывает абсолютно все.

— Можно ли говорить и о русском влиянии в таком случае?

— Отчасти и о нем тоже: одним из крупнейших швейцарских музыкантов середины века был композитор русского происхождения Владимир Фогель — «русский немец», чьей фамилии нет даже в нашей шеститомной Музыкальной энциклопедии. Несколько лет назад «Студия новой музыки» впервые открыла его российской аудитории. В юности он находился под влиянием Скрябина, затем учился у Бузони в Берлине, где был очень успешен и популярен. С

приходом Гитлера уехал в Швейцарию, много лет там жил без паспорта, получил гражданство только в 1954 году. Прожил долгую жизнь, оставил большое наследие; среди его учеников — известный швейцарский музыкальный деятель и композитор Рольф Либерман. Сегодня Фогеля причисляют к классикам швейцарского авангарда. Еще сильнее на формирование современной швейцарской музыки повлиял венгерский композитор Шандор Вереш, у которого учился Холлигер. Его учениками были также Дьёрдь Лигети и Дьёрдь Куртаг.

«Студия новой музыки»© Orlova

— Были ли прежде у «Студии новой музыки» швейцарские проекты?

— Да, мы впервые в России устраивали концерты-портреты Хайнца Холлигера, Клауса Хубера, Жерара Цинсстага, Беата Фуррера и других композиторов. В этом году проводим цикл AlpenFest из пяти концертов в Москве, где будет представлено более тридцати авторов! Один из вечеров состоится в формате «марафона», другие — как двойные портреты: Холлигер и Хубер, Цинсстаг и Жаррель плюс еще две программы. Дадим также один концерт в Петербурге и выступим в Оружейной палате Кремля на открытии фестиваля «Окно в Швейцарию». Ждем в гости и швейцарских композиторов с мастер-классами. Все это особенно интересно потому, что недавно у нас проходили сезоны французской, итальянской и немецкой музыки. Послушать швейцарскую теперь самое время.

— Что ждет публику в первой программе цикла?

— Пьеса Хубера «Intarsioso» для фортепиано, голоса и струнного квартета — камерная версия его фортепианного концерта «Intarsi», неоднократно исполнявшегося «Студией». Очень красивое сочинение, при всей своей сложности — абсолютно доступное и для широкой публики. Эту версию, куда также вписана вокальная партия, в Москве мы еще не играли. Плюс «Beati Pauperes I» для флейты, альты, фортепиано и ударных — сравнительно ранний

опус Хубера. Холлигер будет представлен пьесой «(t)air(e)»: уникальное произведение, одно из сложнейших для флейты соло, симфонических масштабов, с использованием новейших — для начала восьмидесятых — приемов. Наша солистка Марина Рубинштейн была первой российской исполнительницей этой пьесы. Плюс Трио для гобоя, арфы и альты, а также Квнтет для гобоя, кларнета, фагота, валторны и фортепиано, где каждая партия невероятно виртуозна, а ансамблевые сложности можно отнести к высшей категории. Но когда все отрепетировано и сыграно как следует, слышно, что это потрясающая музыка. К Холлигеру у нас привыкли относиться либо как к гобоисту, либо как к дирижеру. Но для меня он в первую очередь — выдающийся композитор.

— Мне посчастливилось побывать на его концерте в Зальцбурге, где он выступил и как гобоист, и как дирижер, и как композитор, а в финале даже сел за клавишник, сыграв несколько тактов в симфонии Гайдна. Очевидно, что Холлигер — универсальная личность ренессансного масштаба.

— Колоссального масштаба, согласен! В моих глазах то, что он гобоист-виртуоз, изобретатель массы новых приемов, — все же не первая его заслуга. А когда ты слушаешь его «Scardanelli-Zyklus», его оперы — видишь, что за этим стоят редкой красоты музыкальные концепции. «Scardanelli-Zyklus» мы исполняли пару лет назад с камерным Altro Coro — огромное (около 90 минут) потрясающее сочинение, настоящий шедевр. Мне довелось пару раз встречаться с Холлигером, последний раз — в Австрии на фестивале Klangspuren, и он был приятно удивлен, узнав, как много его музыки звучало в России: «Студия» сыграла почти все его камерные сочинения. Он был близким другом Эдисона Денисова, и мы вместе сокрушались по поводу того, что Денисова теперь играют реже. Мы надеялись сейчас его пригласить, но недавно у него умерла жена (знаменитая арфистка Урсула Холлигер; среди композиторов, написавших сочинения для дуэта супругов Холлигер, — Альфред Шнитке, Витольд Лютославский, Ханс Вернер Хенце, Исан Юн. — Ред.), и переговоры на эту тему прекратились. Но в апреле следующего года он выступит в Большом зале консерватории и проведет мастер-класс.